

СОВРЕМЕННОЕ РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО

УДК 316

DOI 10.23683/2227-8656.2018.5.1

ИНСТИТУТ ЛИДЕРСТВА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ: РОЛЬ В КОНСОЛИДАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

THE INSTITUTION OF LEADERSHIP IN RUSSIAN SOCIETY: THE INFLUENCE ON CONSOLIDATION

Волков Юрий Григорьевич

Заслуженный деятель науки РФ,
доктор философских наук, профессор,
научный руководитель
Института социологии и регионоведения
Южного федерального университета,
г. Ростов-на-Дону, Россия,
e-mail: ugvolkov@sfedu.ru

Yury G. Volkov

Honored Scientist of Russia,
Doctor of Philosophical Sciences, Professor,
Scientific Supervisor, Professor, Institute of
Sociology and Regional Studies,
Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia,
e-mail: ugvolkov@sfedu.ru

Гурба Владимир Николаевич

Доктор социологических наук,
заведующий кафедрой конфликтологии
и национальной безопасности,
Институт социологии и регионоведения
Южного федерального университета;
заместитель полномочного представителя
Президента РФ в Южном
федеральном округе,
г. Ростов-на-Дону, Россия,
e-mail: social_rostov@mail.ru

Vladimir N. Gurba

Doctor of Sociological Sciences,
Head of Conflictology and National
Security Department,
Institute of Sociology and Regional Studies,
Southern Federal University;
Deputy Plenipotentiary of the President
of the Russian Federation
in Southern Federal District,
Rostov-on-Don, Russia,
e-mail: social_rostov@mail.ru

Гуськов Игорь Александрович

Доктор социологических наук, профессор,
заведующий кафедрой экономической
социологии и регионального управления,
Институт социологии и регионоведения
Южного федерального университета;
первый заместитель губернатора
Ростовской области,
г. Ростов-на-Дону, Россия,
e-mail: efremova_nf@donland.ru

Igor A. Guskov

Doctor of Sociological Sciences, Professor,
Head of Economic Sociology and Regional
Management Department,
Institute of Sociology and Regional Studies,
Southern Federal University;
First Deputy of the Governor
of the Rostov Region,
Rostov-on-Don, Russia,
e-mail: efremova_nf@donland.ru

Статья содержит попытку концептуального и эмпирического осмысления института лидерства в российском обществе в качестве осевого в социальной консолидации общества. Авторы статьи исходят из положения об институте лидерства как сопряженного с традицией персонифицированной власти и одновременно запросом общества на институт лидерства как генератор диалога общества и власти, установления норм партнерства и взаимопонимания. Делается вывод о том, что институт лидерства призван обеспечить сбережение и развитие российской нации и Российского государства в условиях нарастающих внутренних и внешних вызовов, что связано с формированием инфраструктуры лидерства на региональном и локальном уровнях, с приходом поколения лидеров как инициативных и ответственных людей, реализующих проекты развития на основе институциональных возможностей лидерства.

Ключевые слова: институт лидерства; институт президента; институциональное доверие; социальная солидарность; традиция персонифицированной власти; человеческое измерение.

The article contains conceptual and empirical understanding of the institution of leadership in Russian society as an axial one in social consolidation of the society. The authors of the article proceed from the consideration of the institute of leadership as the tradition of personified power and, at the same time, as the society request for the dialogue between the society and the government, the establishment of partnership and mutual understanding norms. It is concluded that the institute of leadership is established to ensure the preservation and development of the Russian nation and the Russian state faced the growing internal and external challenges. It is associated with the leadership infrastructure formation at the regional and local levels, with the generation of leaders who develop the projects, based on the institutional leadership capabilities.

Keywords: institution of leadership; institution of the president; institutional trust; social solidarity; tradition of personalized power; human dimension.

Введение

Российское общество испытывает влияние разнонаправленных факторов. С одной стороны, очевидно, что происходит процесс консолидации российского общества вокруг института президента, который часто видится как традиция персонификации власти в российском обществе. Безусловно, высокий авторитет В.В. Путина опирается и на ресурс традиции, но в большей степени связан с воздействием инсти-

туда президентства на поддержание безопасности, суверенности, целостности Российского государства и обозначения перспектив устойчивого социально-политического и социально-экономического развития в будущем.

С другой стороны, несомненно, что институт лидерства в российском обществе испытывает разрушительное влияние конфликта интересов, социальной дифференциации, вызывает критику в опасениях авторитаризма со стороны носителей либеральной идеи. Институт лидерства неизбежно оказывается в центре и общественно-политических дискуссий, и отношения рядовых россиян к проблемам повседневности. В частности, об этом говорит тот факт, что сильное государство как институциональный запрос уходит корнями в понимание сильного лидера.

Институт лидерства в российском обществе востребован по мере нарастания внутренних и внешних вызовов. Но следует отметить, что сильный лидер, вокруг которого спланивается российская нация, нуждается в широкой социальной поддержке, в адресатности различным слоям российского общества, в умении сформировать повестку дня, актуальную для всех россиян, и предложить оптимальный вариант принятия социально-политических решений. Вместе с тем, рассматривая институт лидерства с присущими ему инструментальной, легитимирующей, коммуникативной, мобилизационной функциями, нельзя не отметить, что в нынешней ситуации в российском обществе назрел вопрос формирования дискурса понимания, умения наладить диалог между обществом и властью. По этому поводу можно сделать вывод о том, что концентрация интересов россиян на деятельности института президента (78 %) (Российское общество ... , 2015) свидетельствует о высокой степени институционального доверия. Однако обнаруживается неэффективность деятельности институтов, попадающих под «зонтик влияния» института президента, но не сумевших выработать самостоятельную стратегию взаимодействия с обществом.

Также в нынешней ситуации, когда требуются решительный рывок по выводу экономики страны из стагнационного состояния и преодоление тревожных настроений, когда необходимо сосредоточение на внутренних проблемах, естественно, принимая во внимание санкционную политику извне, актуальным представляется исследовать институт лидерства в контексте развития институциональной системы российского общества в целом, исходя из того, что в современной России важным ориентиром институционального развития становится солидарное демократическое государство, что с институтом лидерства

как системой норм, регуляторов, ценностей, закрепленных в идее сильной персонифицированной власти и опоры на вертикально интегрированные организационные структуры, связывается развитие «контрактных» отношений, договора между обществом и властью, позволяющего создать коалицию для продвижения общенациональных проектов и интересов. Это крайне важно для понимания необходимости перелома ситуации, в которой институт лидерства испытывает «напор» идеологических аллюзий или воспринимается как концентрация единоличной власти.

Исследовательский контекст предполагает анализ института лидерства в российском обществе, основываясь, с одной стороны, на традиции лидерства в массовом сознании, идеальном образе государства как воплощения персонифицированной власти (Культурология, 1999. С. 274–277), с другой – на диагностике института лидерства как реализующего общественные запросы и ожидания, массовое общественное участие в рамках делегирования институту лидерства управленческих и представительских функций. Имеется в виду, что идущие в российском обществе процессы формирования новых социальных солидарностей и идентичностей демонстрируют высокий уровень влияния института лидерства, когда речь заходит о том, что импульс общественной самодеятельности и активности задается отношением и восприятием и к общенациональному лидерству, и к лидерству на уровне неформальных общественных структур и локальных сообществ.

Методология исследования

В рамках заявленной темы исследования необходимо обратить внимание на то, что по отношению к институту лидерства сложились четыре устойчивые исследовательские традиции. Первая связана с институционально эволюционным подходом и рассматривает институт лидерства как переход на уровне индустриального общества института вождизма, существовавшего в традиционном обществе, к институту рационального лидера. Согласно данному подходу, лидерство в индустриальном обществе является, в отличие от вождизма, рациональной конструкцией, системой формально правовых и договорных норм, определяемых действующим правовым режимом и компромиссом между легальностью, с одной стороны, и социальными реалиями – с другой (Дискин, 2011).

Организационный подход рассматривает институт лидерства как совокупность управленческих и политических норм, направленных на

формирование коридора возможностей для принятия решений и координации действий субъектов управления на основе монополии на власть, авторитет и легитимацию лидерства как институционального ядра по отношению к функционирующим институтам по критерию влияния и компетентности (Кола, 2001).

Неоинституциональный подход основывается на понимании института лидерства как совокупности формальных и неформальных регуляторов, ориентированных на «правила игры», предписывающие признание и убеждение в демократической конкуренции как способе выбора «достойных», обеспечивающих соблюдение правил и задающих институциональные ограничения и допущения, направленные на создание порядка открытого доступа, в рамках которого обеспечивается «безличное» соблюдение правил, блокируется насилие и стимулируются контрактные отношения между институтами и организациями (Норт, 2011).

В неклассической социологии институт лидерства связан с гуманистическим поворотом в контексте феномена новых общественных движений. Современный институт лидерства представляется в качестве механизма изменений. В контексте поздней современности лидерство утрачивает революционный смысл и становится формой массового действия, хотя не отменяется феномен кристаллизации отношений власти. Как отмечает П. Штомпка, лидер и конституирование руководящих позиций основываются на трех взаимосвязанных друг с другом необходимостях (Штомпка, 1996). Во-первых, на необходимости координации действий, направленных на достижение групповых целей; во-вторых, на необходимости обеспечения важных для группы идеалов и ценностей посредством индивидуальных образцов; в-третьих, на необходимости обеспечения внутренней интеграции целостности группы.

П. Штомпка видит универсализм в феномене института лидерства, применяя исследовательскую модель к малым группам. Основываясь на понимании лидерства как совокупности черт, высокий уровень уверенности в себе, доминирующий характер поведения, коммуникативные качества, компетенцию и образцовое соответствие принятым нормам и ценностям институт лидерства использует как средства манипуляции и доверия. Институционально лидерство реализуется авторитарно, демократически или толерантно. Возможность перехода из неформального состояния в состояние институционализации характеризуется выявлением диапазона свободы действий лидера, предпри-

нимаемых им решений, в частности инновационного и реформаторского характера, степени соотношения спонтанности и стандартности.

Таким образом, институт лидерства есть включение механизма определенных человеческих качеств для создания институциональных механизмов социального участия и социальных инициатив. Стили руководства лидерства относятся к субъективному аспекту института лидерства, в то время как нормы, регуляторы и правила, так же как и образцы поведения, определяют условия проявления действий. В современном контексте необходимо учитывать спонтанность лидерства, переход неформальных лидеров в формальные и влияние новых общественных движений на лидерство как реализацию властных прав путем признания, доверия, поддержки. Важными моментами становятся добровольность выбора в системе лидерства, создание пространства автономии и свободы для включения экспертных и советнических механизмов. Таким образом, институт лидерства характеризуется гуманизацией, переходом из жестко закрепленного организационного состояния в открытую систему, соотносимую с принципами демократизма и толерантности. Как пишет российский исследователь С.А. Кравченко, гуманистический поворот состоит в том, чтобы институт лидерства критически осмысливался через новые властные возможности (символические, информационные) и ориентировался на ограничение неконтролируемых и неуправляемых неопределенностей в общественном развитии (Кравченко, 2015).

Как пишут Ю.Г. Волков и А.В. Лубский, «в контексте обеспечения государственного управления социология приобретает особое значение в рамках деятельностного к нему подхода, в котором предмету управленческого воздействия придается человеческое измерение» (Волков, 2017). В контексте теоретико-методологического выбора в исследовании заявленной темы статьи важно рассматривать институт лидерства по критериям целерационального действия, предписанных функций и использования анализа института лидерства как системы норм, правил, убеждений, направленных на воспроизводство моделей решений, предусматривающих диалог общества и власти, реализацию норм партнерства, толерантности, конкурентности и открытости во влиянии института лидерства на общественное сознание.

Таким образом, предлагается исследовательская многомерная модель, включающая процедуры неоинституционального и гуманистического подходов, в которых институт лидерства в российском обществе понимается как коридор возможностей диалога общества и

власти на основе организационно-нормативного, символического (авторитет и доверие) и профессионально-управленческого ресурсов.

Обращает на себя внимание тот факт, что российское общество характеризуется воспроизводством инвариантных образцов лидерства, появление лидера «с улицы» неизбежно завершается их уходом в сторону и по мере усиления государства выдвижения на первый план лидеров, вписанных в иерархию социальных отношений, в соответствие определенным нормативным образцам. Институт лидерства, таким образом, предполагает сочетание традиционности, стабильности и реформаторства, новаторства. В этом смысле можно говорить о том, что исследование института лидерства в российском обществе связано с выявлением баланса структурно-организационных параметров и деятельностно-ценностных установок, порождающих запрос на тип лидерства, стиль руководства, меру свободы и ответственности.

Институт лидерства в российском обществе: консолидирующая роль в институциональной системе

Отсюда важным представляется выявление, с одной стороны, института лидерства в контексте социальной интеграции, эффективного управленческого взаимодействия, с другой – определение деятельностно-мотивационных и ценностных оснований лидерства в российском обществе. Это важно в рамках подготовки лидера на локальном и региональном уровнях. Молодые технократы, выдвигаемые во власть, безусловно, обладают необходимыми профессиональными компетентностями, но недостаток лидерских качеств, неразвитость коммуникативных способностей ставят их в зависимое положение от бюрократического аппарата, снижают уровень исполнительской дисциплины и воспроизводят конфликт между чужими и своими, особенно в условиях сложившейся системы неформальных отношений на региональном и локальном уровнях.

Таким образом, есть проблема создания условий для открытой конкуренции, соревновательности, последовательного продвижения креативных личностей в селекционных механизмах на основе принципов меритократии и справедливости. Лидерство в этом смысле воспринимается как способ разблокирования нисходящей социальной мобильности, открывает путь для движения наверх представителей из низших социальных групп и ограничивает влияние сословных перегородок.

В центре внимания российского общества, таким образом, институт лидерства воспринимается как комплексная социальная проблема,

связанная с разными аспектами социальной жизни, системой государственного управления, социальной мобильностью, социальной консолидацией российского общества. Все указанные проблемы концентрируются в понимании института лидерства как модели социального действия, включающей формальные и неформальные регуляторы, организационно-нормативный ресурс для реализации и продвижения амбициозных, соответствующих национальным интересам проектов.

В условиях социальной дифференциации, угроз сецессионизма и сепаратизма роль института лидерства в контексте социальной консолидации российского общества трудно переоценить. Вместе с тем, понимая многоукладность социальной жизни, разнообразие природно-климатических, социокультурных условий, полиэтничность, следует принимать во внимание, что институт лидерства является вертикально интегрированным, включает разные уровни лидерства, которые различаются по степени компетентности прав, обязанностей, степени общественного доверия. Уместно говорить о том, что институт лидерства является посредником между обществом и государством, объединяет лучших представителей политических, экономических и интеллектуальных элит, сплоченных вокруг руководителя страны.

Поэтому, учитывая то, что в России поддержку имеет идея лидера как личности, способной взаимодействовать с массами и подчинять своей воле элиты, требуется осознание того факта, что для российского общества не свойственна зарубежная традиция формального лидерства, что исследование института лидерства актуально по причине и его востребованности как институционального запроса общества (Горшков, 2017), и понимания механизмов возникновения и функционирования лидерства в российском обществе в рамках сложившейся институциональной системы, которая оказывает влияние и на динамику социального самочувствия, и на систему государственного управления. Рассматривая эту проблему, необходимо «отслаивать» реальные процессы от фантомов общественного сознания, возникающих в контексте абберраций и деформаций общественной жизни. Институт лидерства, таким образом, нуждается в осмыслении и исследовании в рамках происходящих новых социальных реальностей.

Можно констатировать, что российское общество испытывает разнонаправленные тенденции интеграции и дезинтеграции. Интеграции в объединении основных слоев населения вокруг института президента, касающейся одобрения политики возврата суверенитета и независимости России в современном глобализируемом мире. Дезинтеграции – влияния социальных и социально-территориальных диспро-

порций, которые держат «в напряжении» социальную стабильность в стране и содержат потенциал конфликтных территориальных ситуаций, которых, как отмечает замглавы администрации С. Кириенко, насчитывается более 2000. Отсюда можно говорить о том, что авторитет Российского государства как сверхидеи поддерживается доверием к персонифицированной власти, опирающейся на ресурс института президента.

В этом контексте институт президентства как институт лидерства обладает концентрацией властных, организационно-нормативных и символических ресурсов, т. е. сложилась институциональная среда для сильного лидера, задающего направленность процессу формирования лидеров на различных уровнях общественной жизни.

Отмечая, что институт президента, хотя уже обрел признаки привычности, «хабитуализирован» в общественном сознании, в то же время можно говорить о существовании постоянной зависимости от традиции персонифицированной власти. Иными словами, складывается впечатление, что в российском обществе востребованным является не институт президента как таковой, а сильный эффективный лидер, определяющий функционирование института президента. Влияние персонифицированного фактора выражается в том, что в структуре института президента сложились вертикально иерархизированные связи, что действуют формулы «прямой субординации» и образование новых самостоятельных структур связано с указаниями сверху.

Это обстоятельство создает барьер медлительности в принятии важных решений и риски бюрократизации, но срабатывает эффективно в критических ситуациях. Можно говорить о том, что действует «правило высокого доверия». Как пишет Ж.Т. Тощенко, общественное сознание в российском обществе развивается и функционирует в современных условиях разновекторно и противоречиво, что во все большей мере востребована критичность, и, несмотря на разнообразие мировоззренческих убеждений, у всех людей есть надежда на устраивающую и стабильную жизнь в своей стране, что свидетельствует о безальтернативности института лидерства как механизма легитимации общественных интересов и целей (Тощенко, 2015).

Общественное сознание отражает сдвиг в пользу принятия адекватных и разумных решений, концентрации ресурсов государства и общества на ключевых проблемах развития России, возрастающую роль играет человеческое измерение управленческой деятельности, способность через институт лидерства уйти от «созидательного разрушения» и, преодолевая травмы прошлого, строить сценарии буду-

щего. Об этом свидетельствует тот факт, что, согласно результатам социологических опросов, институт лидерства в российском обществе воспринимается как институт социальной консолидации, в рамках которого есть возможность достичь конструктивных компромиссов между носителями конфликта интересов, между «проигравшими» и «выигравшими» в результате социальных и политических изменений. Исследования социального самочувствия россиян в июне 2018 г. показывают, что, хотя уровень социального оптимизма снизился по значениям аналогичных периодов 2017 и 2014 гг., 24 % россиян ожидают улучшения жизненной ситуации, 26 % дают негативный прогноз, 38 % считают, что через год будут жить так же, как и сейчас. Очевидно, что общественные настроения перемещаются от «тоскующего индивидуализма» к позиции участия, осознания того, что в современной ситуации важными являются и понимание происходящего в стране, и поиск форм социальной консолидации, способной сдвинуть ситуацию при развитии института лидерства как генератора новых идей и решений, инициатив и подходов.

Иными словами, страна объективно нуждается в сильном институте лидерства, чтобы быть в состоянии отразить внешние вызовы и не допустить их перевода во внутренние дестабилизирующие факторы. Поэтому институт президента имеет асимметричную структуру, связанную с преобладанием контрольных, силовых параметров воздействия, и подтверждается привязанностью россиян к идее сильного государства. В то же время есть определенные нереализованные ожидания, связанные с удовлетворением запроса общества на социальную справедливость и разумность. Речь идет о том, что способность общества к негативной мобилизации коренится в оборонном сознании российского общества, в том, что на протяжении своей истории, и это не исторический фантом, Российское государство испытывало риски территориального распада, захватнических войн, разрушения системы ценностей и верований.

В этом контексте приходится говорить о том, что институт президента как институт лидерства выполняет сберегательную функцию, обеспечивающую историческое будущее российского общества и государства, и, учитывая нарастающие риски глобальной дестабилизации, связанные с продовольственным, энергетическим, климатическим, миграционным кризисами, можно предвидеть, что роль института президента и, соответственно, лидерства как основного субъекта института президента будет принимать новые формы и очертания, но сохранит преимущество сберегательной функции. Другое дело, что

в нынешних условиях проявляется потребность в формировании когорты лидеров, особенно на региональном и муниципальном уровнях (Волков, 2016).

Так как Россия – страна регионов, имеет полиэтническую и поликультурную специфику, сильное лидерство не может быть в качественном объеме реализовано без прочной базы, поддержки и содействия в решении приоритетных для страны проблем. Наблюдаемый процесс обновления региональных лидеров фиксирует эту тенденцию, поскольку предшествующее поколение демократов первой волны, представителей силовых структур выполнило свою миссию. Пришедшее поколение молодых технократов, имеющих солидный менеджерский «бэкграунд», несомненно, призвано для того, чтобы снять издержки бюрократизма, неповоротливости, обладать чувством командной лояльности и неотягощенности неформальными связями с региональными элитами.

В этом контексте можно говорить и об определенных достижениях и о неудачах. В российских регионах сложилась ситуация монополии на управленческие и экономические ресурсы региональных элит, которые обросли прочными неформальными связями, обрели статус властного сословия, и приход новых лиц означает желание закрепить потенциал интеграции лидерства.

Недостаток легитимности, о чем пишет И.А. Дискин, характеризуя сложившуюся институциональную систему в российском обществе, связан с пониманием институтов в контексте коридора возможностей, изменения моделей социального действия. Однако автор соглашается, хотя отмечает глубокое недоверие к институтам, действующим на верхних этажах (Дискин, 2011), с тем, что современная культура участия связана с тем, что участие как результат реального характера функционирования института лидерства, который имеет формальную оболочку в институте президента, может иметь значение при выстраивании мозаичной конструкции, в которой институт лидерства ассоциируется не только с большой политикой, но и с стандартами действия, сложившимися снизу.

Иными словами, институт лидерства в России содержит запрос на закрепление коридора возможностей, обеспечение гражданам и социально-экономических, и социально-политических прав при гарантии безопасности целостности страны и выстраивание каналов вертикальной социальной мобильности. Ситуация с новой волной выдвиженцев показывает, что рациональное принятое решение не только имеет барьеры сопротивления в крепко сложившейся ткани неформальных от-

ношений, механизмах круговой поруки и коррупции, но и связано с трендом сложившихся управленческих команд, в которых формальные лидеры претендуют на роль неформального лидера, не обращаясь к механизмам легитимности. Это выражается в том, что институт лидерства в России пока недостаточно демонстрирует открытость и отзывчивость на сложившуюся ситуацию, на запросы активного гражданского населения, но при этом в сложившейся вертикально интегрированной системе управления имеет сложные и противоречивые предпосылки для подготовки поколения лидеров, к созданию сильной лидерской когорты. При этом следует отметить, что сказывается явно недостаточный диалог между претендующими на лидерство группами и личностями.

Здесь следует говорить и о влиянии феномена социального нарциссизма, самовлюбленности, претензии на исключительность со стороны представителей интеллектуальной элиты (Тощенко, 2015). Не облегчает ситуацию и обращение к технократам. Имея позитивный опыт в регулировании кризисных ситуаций, преимущественно в финансово-экономической сфере, многие технократы не обладают развитым гуманитарным мышлением, системным подходом к решению управленческих проблем и, наконец, неразвитостью коммуникативной культуры, общения с различными слоями населения. Главное, что есть дефицит стратегического мышления, принятие опережающих действий по реализации социальных ожиданий электорально значимых слоев и групп (Тощенко, 2015. С. 79).

Отмечая эти недостатки, можно говорить о том, что, как пишет М.К. Горшков, в контексте новой социальной реальности – создание сети многообразных ресурсов, направленных на развитие практик низовой солидарности (Горшков, 2017. С. 17), рост механизмов электронной демократии, создание разнообразных площадок гражданского участия и непосредственного общения с населением – институт лидерства нуждается в большей открытости, демократизации, образовании зон устойчивого доверия. Нужно принимать во внимание, что рост социального участия россиян замедлился с 2014 г., что позволяет утверждать нарастание нереализованных ожиданий. Всплеск политической активности того переломного периода связан с поддержкой лидера, осуществившего миссию воссоединения Крыма с Россией, но в реальных процессах повседневности лидерство ориентировано на реализацию рутинных задач, на наработку высокого авторитета путем участия в солидарных социальных акциях, в том, чтобы укреплять доверие и солидарность в российском обществе на низовом уровне.

Иными словами, институт лидерства не может сводиться к лидерству как харизме. Это роль успешно реализуется нынешним руководителем страны, но может быть адресована как обязательное требование общества к другим претендентам на лидерство в различных сферах общественной жизни.

Можно предположить, что, учитывая уникальность социальной биографии в российском обществе, понимание того, что люди играют по правилам, на результирующую социальную динамику (Козлова, 2005. С. 61), для реализации потенциала лидерства в российском обществе актуальной является практика последовательного восхождения лидеров. Лидер не может появиться как результат бюрократических или властных игр. Такой вывод связан с тем, что культура доверия в российском обществе не примордиальна, что доверие не может быть ограничено формальными правилами и включает готовность к мобилизирующему воздействию, предложение и реализацию новых социальных и политических инициатив, генерируемых институтом лидерства.

Как писал американский социолог А. Селигмен, новая форма социальных отношений связана с ее ролью как новой формы социальной солидарности (Селигмен, 2002. С. 43). Это важный момент для понимания того, что институт лидерства не может основываться на вере в исключительность личности, так как связан со становлением моделей социального действия, направленных на скрепление общественных связей, социального общения и осознание сопричастности к гражданам страны. Вышесказанное убеждает в том, что для многих россиян лидерство отождествляется с конкретной личностью, но не содержит чувства «разделенности» с другими гражданами. Лидер в таком контексте воспринимается индивидуально и может закреплять риск социального исключения, конструирования схемы, что лидер в ответственности за все общество, в то время как каждый ответствен за себя.

Данное представление, исходящее из «тоскующего индивидуализма», является ярким свидетельством негативной солидарности, которая выражается в том, что общество объединяется вокруг действующего лидера, но демонстрирует уровень апатии в запросе на формирование новых лидеров, что очень важно в контексте смены политических и интеллектуальных элит как условия обеспечения стабильности общественного развития.

Речь идет о том, что в современных условиях, когда ощущается дефицит лидерства на региональном и нижестоящих уровнях государственного управления и планка доверия колеблется в пределах 24–25 % (Российское общество ... , 2015. С. 132), не действуют механиз-

мы конкуренции и отбора в государственном и общественно-политическом сегментах. Можно говорить о том, что институт лидерства соответствует сложившейся иерархии властных отношений, что развитие лидерства возможно при условии налаживания диалога государства и общества и развития демократии участия.

Однако эти пожелания остаются абстрактными, пока не переломлена ситуация, в которой лидерство воспринимается как должностная категория. Вместе с тем следует говорить о том, что в российском обществе развивается понимание института лидерства как имеющего консолидационную функцию. Общественный запрос на лидерство как пространство разумных и эффективных решений и подходов, учитывающих разнообразие социальных интересов и перевод их из состояния конфликтности в конструктивный компромисс, показывает, что для развития института лидерства в российском обществе важно сочетание традиции и преемственности, что, не отрицая значение для российского общества института лидерства как института диалога общества и власти и отклонения «контрлидерства» как социального нарциссизма, есть необходимость понимания института лидерства в контексте большей открытости, соревновательности, демократизации публичной сферы.

В то же время, если размышлять о будущем института лидерства, вырисовывается картина растущих требований и ожиданий в общественном сознании россиян. В пользу такого вывода свидетельствует многое. В российском обществе, где высокий авторитет государственных структур является залогом успешного проведения системных изменений (Россия ... , 2001. С. 16), сам характер нарастающих внутренних и внешних вызовов не содержит формулу «отложенного действия», упования на то, что «все в будущем образуется». В этом контексте институт лидерства призван реализовать стратегию социального развития, консолидировать социально активные группы и слои на уровне не только традиционной поддержки, но и доверительного участия.

Учитывая это обстоятельство, следует подчеркнуть, что перспективы института лидерства связываются с перераспределением позиций между силовыми институтами и институтами развития и демократизации. Институт лидерства, как отмечалось выше, выполняет консолидирующую роль и призван быть центром «поиска национальной идеи». Понятно, что лидерство в российском обществе не является синонимом чиновничества, в той же степени как высокий уровень доверия россиян к институту президента не означает воспроизводство пат-

риархальной модели. Результаты социологических исследований фиксируют стабильность пропорций граждан, дающих позитивную оценку институту лидерства как главному в институциональной системе российского общества (12 % демонстрируют готовность бороться за идеалы и стремиться сделать мир лучше, а для 11 % важной является возможность участвовать в конкретных делах, для 8 % – личностный рост и развитие) (Российское общество ... , 2015. С. 154). На этом фоне актуальным выглядит развитие института лидерства «вглубь», т. е. придание самоорганизации и самоуправлению россиян качества лидерства как способности рассматривать его и как лифт для коллективного восхождения, и как стартовую площадку для реализации социальной энергии. Иными словами, институт лидерства из феномена политической жизни трансформируется в институт развития и демократизации общества, актуализации человеческого капитала при условии целенаправленной и осознанной работы властных и общественных институтов по стимулированию лидерской культуры в российском обществе, в понимании лидерства как института общественной деятельности, делающей жизнь россиян социально мотивируемой и коммуникативной.

Интегративные процессы в российском обществе характеризуются «приливами и отливами», носят маятниковый характер. Очевидно, что институт лидерства, реализуя консолидирующую функцию, не может иметь хрупкое основание только в ситуативных социальных настроениях. Актуальной является перестройка внутриинституциональных отношений, минимизирующих влияние сословных, узкогрупповых, личностных амбиций, ограничивающих бюрократизацию и веру во власть, ориентированных на новые формы самоорганизации и самоуправления.

Заключение

Таким образом, можно говорить о том, что, во-первых, институт лидерства в российском обществе переживает сложный, но интересный период, связанный с тем, что с сохранением традиции персонифицированной власти, с этатистскими установками по отношению к лидерству проявляется запрос на институт лидерства как конкурентное, открытое, способное к диалогу с обществом пространство. С другой стороны, возрастает риск манипуляции общественным сознанием, закрепление феномена обособленности, «тусовочности», использование института лидерства для закрепления узкогрупповых интересов. В этом контексте институт лидерства в российском обществе характеризуется повышенным вниманием к человеческому измерению управ-

ленческой деятельности, к возможности использовать социально-активистский и интеллектуальный потенциал в различных формах гражданского и социального участия.

Во-вторых, в современном глобализируемом мире институт лидерства связан с расширением коридора возможностей для диалога общества и власти, коренного обновления социальной сферы на основе конкретных успешных проектов по всей территории России, за которыми инициативные лидеры, люди компетентные, интересные, с новыми перспективными идеями, с нестандартными подходами к решению задач, поставленных перед страной (Волков, 2011. С. 254).

В-третьих, очевидно, что институт лидерства в российском обществе, как показывает динамика социальных настроений россиян, связан с ожиданиями социальной консолидации, избавления от синдрома «тоскующего индивидуализма» и определения пределов социальной компетентности и ответственности общества и власти в инициировании общественных перемен.

Литература

- Волков Ю.Г.* Креативность: исторический прорыв России. М., 2011. 326 с.
- Волков Ю.Г.* Социальная имитация. Ростов н/Д., 2016. 111 с.
- Волков Ю.Г., Лубский А.В.* Социология в России: в поисках новых идей и креативности Ростов н/Д.; Таганрог, 2017. 193 с.
- Горшков М.К.* Российское общество в контексте новой реальности. М., 2017. 104 с.
- Дискин И.А.* Россия, которая возможна. М., 2011. 175 с.
- Индекс социального самочувствия россиян // ВЦИОМ. 2018. Июнь. Режим доступа: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9191>.
- Козлова Н.* Советские люди сценарии из истории. М., 2005. 495 с.
- Кола Д.* Политическая социология. М., 2001. 405 с.
- Кравченко С.А.* Социологическое знание через призму «стрелы времени»: востребованность гуманистического поворота. М., 2015. 343 с.
- Культурология в вопросах и ответах. М., 1999. 335 с.
- Норт Д., Уоллес Дж., Вайнгайтс Б.* Насилие и социальные порядки. М., 2011. 478 с.

References

- Volkov, Yu.G.* (2011). Creativity: a historical breakthrough in Russia. M.
- Volkov, Yu.G.* (2016). Social imitation. Rostov n/D.
- Volkov, Yu.G., Lubskiy, A.V.* (2017). Sociology in Russia: in search of new ideas and creativity. Rostov n/D.; Taganrog.
- Gorshkov, M.K.* (2017). Russian society in the context of a new reality. M.
- Diskin, I.A.* (2011). Russia, which is possible. M.
- The index of social well-being of Russians. VTsIOM. 2018. June. Available at: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9191>.
- Kozlova, N.* (2005). Soviet People Scenarios from the History of Moscow. M.
- Kola, D.* (2001). Political Sociology. M.
- Kravchenko, S.A.* (2015). Sociological knowledge through the prism of the “arrow of time”: the relevance of the humanistic turn. M.
- Cultural studies in questions and answers (1999) M. 335 p.
- Nort, D., Uolles, Dzh., Vayngayst, B.* (2011). Violence and Social Order. M.

Российское общество и вызовы времени. Кн. 2. М., 2015. 432 с.

Россия: трансформирующееся общество. М., 2001. 636 с.

Селигмен А. Проблема доверия. М., 2002. 254 с.

Тощенко Ж.Т. Фантомы российского общества М., 2015. 669 с.

Штомпка П. Социология социальных изменений. М., 1996. 655 с.

Russian society and the challenges of time (2015). Book 2. М.

Russia: transforming society (2001). М.

Seligmen, A. (2002). The Problem of Trust. М.

Toshchenko, Zh.T. (2015). Phantoms of the Russian Society. М.

Shtompka P. (1996). Sociology of Social Change. М.

Поступила в редакцию

14 сентября 2018 г.